

МИХАИЛ,
архиепископ Астраханский и Енотаевский,
магистр богословия

ЕВХАРИСТИЯ И СВЯЩЕНСТВО *

Православное учение рассматривает Евхаристию и Священство как два из общего седмичного числа таинств. При всем различии между обоими их общей сакраментальной основой являются: онтологически — благодать Святого Духа, сообщающая внешними элементами и действиями сакраментальное значение и действительность; генетически — богоустановленность; исторически — непрерывность; прагматически — необходимость.

Рассмотрим теперь их онтологические особенности.

Если в Евхаристии благодатное действие Святого Духа распространяется на многих участников Таинства (на коммуникантов непосредственно, а косвенно на всех присутствующих и даже отсутствующих членов Церкви), то Священство — Таинство сугубо индивидуальное: объектом Таинства является только лицо, над которым оно совершается.

Различен и характер воздействия обоих таинств на их объекты. Участник Евхаристии, коммуникант, лично усваивает сопряженное с благоговым вкушением Тела и Крови Христовых благодатное воздействие Святого Духа. Через Причащение и в Причащении Господь Бог благотворно воздействует на коммуниканта, духовно его обновляет, очищает, укрепляет, освящает, силою Святого Духа соединяет его со Христом. Таким образом, в Евхаристии христианину преподается спасающая благодать.

В таинстве Священства рукополагаемый христианин получает особую благодать Святого Духа. Она делает христианина священником, через посредство которого Дух Святой преподает другим христианам спасающую благодать. Получение лично спасающей благодати для священника и для епископа остается той же необходимостью, как и до посвящения: ему, так же как и мирянам, необходимо молиться, исповедоваться, причащаться.

С этим тесно связано и другое, весьма важное различие между духовным воздействием одного и другого из рассматриваемых таинств. Причащение оказывает на христианина благотворное действие только в случае, если он подходит к чаше с соответствующим молитвенным расположением, благоговением, сознанием своего недостойнства, с желанием соединиться со Христом. В противном случае действие Причащения обращается в свою противоположность: «Кто будет есть хлеб сей или пить чашу Господню недостойно, виновен будет против Тела и Крови Господних... Ибо, кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе, не рассуждая о Теле Господнем» (1 Кор. 11, 27, 29)

Нельзя того же самого сказать о Священстве. Благодатная способность совершать таинства, в том числе Евхаристию¹, право и обязан-

* Доклад, представленный 23 мая 1974 г. на собеседовании богословов Русской Православной Церкви и Евангелическо-Лютеранской Церкви Финляндии в с. Ярвен-Пээ.

¹ Католическая Церковь усматривает в сакраментальной способности совершать именно Евхаристию специфически-отличительный признак и смысл Священства.

ность проповедовать, совершать различные богослужения не зависят от личных свойств и духовного состояния священнослужителя ни в момент его рукоположения, ни в дальнейшем². Можно сказать без преувеличения, что объективная действенность благодатных средств, их независимость от нравственных свойств преподающего их лица лежит в основе всей церковной жизнедеятельности. В самом деле, если бы она не имела места, то, прежде чем подойти к святой чаше, христианину пришлось бы сначала убедиться в том, что служащий священник обладает должными нравственными достоинствами и даже в том, что он совершает литургию в должном духовном расположении. Кто может располагать такими сведениями? Может ли соответствующая информация быть сколько-нибудь объективной? Кто может взять на себя ответственность безапелляционно судить другого, тем более своего пастыря? И где найти критерий для определения уровня святости, соответствующего святости самого таинства Евхаристии?

Если мы вспомним древний церковный текст: «Един свят, един Господь — Иисус Христос»³, то станет очевидным отсутствие людей, полностью достойных священнического служения.

Святой Иоанн Златоуст, стараясь дать своим слушателям понятие о величии священнослужения, в частности, в момент совершения Евхаристии, писал: «Священнослужение совершается на земле, но по чинопоследованию небесному, и весьма справедливо, ибо ни человек, ни ангел, ни архангел и ни другая какая сотворенная сила, но Сам Утешитель учредил этот чин и людей, еще облеченных плотию, соделал представителями ангельского служения... Предстоит священник низводя не огонь, но Святого Духа»⁴. Допущение принципа зависимости действительности священнического служения от личных свойств священнослужителя привело бы к отрицанию самих священнодействий, а в конечном итоге — и всей Церкви в целом.

В своем «Слове о священстве» святой Ефрем Сирийский писал: «Если не знаешь о каком иерее, достоин ли он сана или недостойн, то не презирай его ради заповеди Христовой. Как не терпит вреда золото, если покрыто оно грязью, а также и самый чистый бисер, если прикоснется к каким-нибудь нечистым и оскверненным вещам, так подобно сему и священство не делается оскверненным от человека, хотя бы принявший его был и недостойн»⁵.

Утверждение нерушимости объективного значения и действия Таинства не только обосновывается приведенными прагматическими соображениями, но и прямо вытекает из того факта, что любые церковные священнодействия совершаются по существу не только священнослужителем, но самой Церковью, понимаемой как таинственный целостный организм, как Тело Христово, включающее в Себя всех своих земных и небесных членов.

Спасаящая благодать подобна электрическому току, который подводится к светильнику — душе человеческой — при помощи проводника — священника, причем, как проводником могут служить благородные (серебро, платина) и неблагородные (медь, никель) металлы, так и для сообщения благодати верующему христианину могут служить священники, обладающие разными духовными свойствами. Проводником благодати человек становится через правильное рукоположение, и ничто другое не может повлиять на его проводимость.

² Если поведение священнослужителя находится в явном противоречии с его сном, он может быть такового лишен высшей церковной властью; в таком и только в таком случае совершаемые им таинства и другие священнодействия утрачивают свою силу.

³ Литургия св. Иоанна Златоуста; Великое славословие из чинопоследования утрени.

⁴ Св. Иоанн Златоуст. Творения, т. I. СПб., 1898, с. 424—425.

⁵ Св. Ефрем Сирийский. Творения, Слово о священстве.

Этим ни в коей мере не снимается личная ответственность священника перед Церковью за его отношение к своим обязанностям, а перед Богом — также и за его духовное состояние при совершении любого священнодействия, в особенности Евхаристии. Однако это уже вопрос его личной религиозной жизни, в конечном итоге — вопрос усвоения им необходимой ему лично (как и всякому христианину) спасающей благодати. Священство не упрощает ему задачу личного спасения, а скорее усложняет ее. Тот же святой Иоанн Златоуст, говоря о совершении священником Евхаристии, спрашивает: «Когда он (священник) призывает Святого Духа и совершает страшную Жертву и часто прикасается к общему всем Владыке, тогда, скажи мне, с кем наряду поставим его? Какой потребуем чистоты от него и какого благочестия?»⁶ Каждый человек отвечает пред Богом за свое поведение, но ответственность священника много больше, чем мирянина, и обусловлена святостью совершаемых им действий, высотой принятых им на себя обязанностей, величием и беспредельной чистотой всего, что в качестве священнослужителя он ежедневно совершает.

Из сказанного следует частный вывод: Евхаристия предлагается всем членам Церкви как Таинство, необходимое всем для реализации спасения в ее лоне (Ин. 6, 53; Мф. 26, 27—28); Священство же — удел избранных. Притом исключительность Священства отражена и в канонических ограничениях права к совершению этого Таинства, права активного и пассивного: если совершать Евхаристию и преподавать Святые Дары мирянам (и самому себе) может каждый священник, рукоположение является епископской прерогативой (ограничение активного права). Для принятия Священства (пассивное право) тоже имеются ограничения: по половому признаку, по возрастному цензу, по физическому состоянию, по семейному положению, по степени духовной и образовательной подготовки. Для участия в Евхаристии всех этих ограничений не существует.

Еще одно внешнее различие. В Евхаристии налицо вещественные элементы — хлеб и вино, пресуществляемые в Тело и Кровь Христовы; в таинстве же Священства такие вещественные элементы отсутствуют: внешняя сторона Таинства исчерпывается актом рукоположения, кратковременным действием, сопровождаемым, конечно (как и Евхаристия), молитвенным призыванием Святого Духа.

Прежде чем перейти к сопоставлению обоих Таинств по их генезису, т. е. к проблемам их возникновения, становления и исторического развития, необходимо коснуться смежной онтологической проблемы — вопроса о всеобщем священстве и соотношении его с иерархическим. Она представляет для нас особый интерес, так как с ней тесно связаны существующие расхождения во взглядах по кардинальному вопросу: обусловлено ли совершение Евхаристии иерархическим положением, иначе говоря, духовным саном ее совершителя? Если такая обусловленность существует, то ограничивается ли она церковно-правовой сферой, или же относится к *jus divinum* и притом в такой степени, что совершение Евхаристии лицом, не имеющим соответствующего сана, недействительно по самому существу Таинства? Наконец, если такая обусловленность действительно вытекает из *jus divinum*, то носит ли она универсальный характер или допускает исключения и, если так, то в каких случаях?

Все эти вопросы имеет смысл затрагивать только в свете скольконибудь ясного представления о наличии в христианской Церкви двух видов священства. К сожалению, догматическая разработка учения о всеобщем священстве значительно отстает от раскрытия сущности и значения священства иерархического. В православных богословских кру-

⁶ Св. Иоанн Златоуст. Цит. соч., с. 471.

гах принято объяснять это отставание дрящейся в течение ряда столетий полемикой с протестантизмом, положившим, как известно, всеобщее священство в основу своих канонических воззрений. Можно полагать, однако, что причины этого отставания лежат глубже, и искать их следует во вполне понятном стремлении иерархически организованных Церквей предотвратить «размывание» иерархического авторитета в результате гиперболизации принципа всеобщего священства. Наличие такой опасности становится понятным, если учесть, что всеобщее священство легко ассоциируется с принципом широкой церковной демократии, который может быть противопоставляем иерархическому строю, ассоциируемому в свою очередь с принципом аристократического (или, как в Римско-Католической Церкви, даже монархического) управления.

Одним из доказательств высказанного положения может служить факт, что принцип всеобщего священства не нашел себе сколько-нибудь отчетливого претворения в церковной жизни не только в Кафолических Церквях, но и во многих протестантских, которые, вопреки первичным высказываниям некоторых реформаторов, практически не могут обойтись без иерархической структуры в той или иной из ее форм.

Под всеобщим священством Церковь понимает благодатную освященность, каковую получает каждый ее член в таинствах Крещения и Миропомазания. Эта освященность осуществляется действием Святого Духа, Который усыновляет христианина Богу Отцу (Еф. 4, 5—6; Рим. 8, 15—17; 1 Ин. 3, 1) как члена Церкви — таинственного Тела Христова (1 Кор. 12, 12—14, 27; Еф. 4, 12, 15; Рим. 12, 4—5).

Освященность христианина, его сыновья принадлежность к Богу находит в себе выражение в том, что он обладает возможностью 1) независимо от времени и места (Ин. 4, 23) обращаться к своему Отцу Небесному с полной уверенностью в Его любви и милосердии (1 Ин. 4, 19), 2) пользоваться спасительными благодатными средствами Церкви, среди которых первое место принадлежит таинствам, 3) быть совершенно уверенным, что и при грехопадениях и отступлениях не лишается любви Божией, но в любой момент может покаяться и любящим всепрощением Божиим принят будет и восстановлен в прежнем состоянии сыновней близости к Богу (Лк. 15, 7, 10, 11—32; Мф. 6, 14; 18, 21—35; Рим. 14, 4; 1 Ин. 1, 9). «В силу такой именно близости к Богу, — писал известный православный богослов проф. В. Экземплярский, — все христиане должны быть рассматриваемы как священники, в известном смысле слова способные лично и непосредственно служить Богу, что, действительно, и утверждает слово Божие и учение нашей Церкви»⁷.

В авторитетном вероучительном документе Православной Церкви — «Православном исповедании веры» — говорится: «Священство духовное имеют все христиане, как учат апостолы Петр (1 Петр. 2, 9) и Иоанн в Откровении (Откр. 5, 9—10). Таковому священству сообразные бывают и приношения, именно: молитвы, благодарения, умерщвления плоти, предание себя на мученичество за Христа и другие, сим подобные»⁸.

Наиболее яркое высказывание о великом и священном достоинстве каждого христианина перед Богом мы находим у апостола Петра: «Сами, как живые камни, устрояйте из себя дом духовный, священство святое, чтобы приносить духовные жертвы, благоприятные Богу Иисусом Христом... Вы род избранный, царственное священство, народ святой, люди взятые в удел, дабы возвещать совершенство призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет» (1 Петр. 2, 5, 9).

«Царями» и «священниками» называет всех членов Церкви также Апокалипсис (1, 6; 5, 10).

⁷ В. Экземплярский. Библийское и святоотеческое учение о сущности священства. Киев, 1904, с. 32—33.

⁸ Православное исповедание веры, ч. 1, ответ на вопрос 108.

Мы видели, что это учение слова Божия о всеобщем священстве является основой нашей убежденности в высоком положении, которое занимает христианин в сфере духовной жизни. Нашло ли себе отражение «царственное священство» христианина, его сыновняя близость Богу Отцу также и в сфере практической церковной жизнедеятельности?

Если в настоящее время и в течение многих столетий существования Православной Церкви это отражение нельзя считать достаточно отчетливым, то в древней Церкви положение было иным. Именно на почве всеобщего священства в ней существовало разнообразие харизматической практики, о которой упоминает апостол Павел (1 Кор. 12 и 14 гл.) и которая вскоре фактически исчезла. О большом богатстве и разнообразии форм самодеятельности народа Божия (1 Петр. 2, 10) в Церкви первых столетий говорит уже широкое участие в практической церковной деятельности женщин, которые, хотя и лишены были учительских функций (1 Кор. 14, 34), однако имели широкое поле хозяйственной и благотворительной деятельности (диакония)⁹. Нельзя исключить возможность, что не только в богословской сфере, но и в практической церковной жизни постепенное исчезновение почти всех проявлений всеобщего священства в какой-то мере явилось результатом всё большей кристаллизации и усиления влияния иерархических структур.

Другим фактором, еще более богатым отрицательными для всеобщего священства последствиями, явилась секуляризация мирян, принявшая уже в IV столетии катастрофические размеры в результате превращения христианства в государственную религию и массового формального принятия христианства людьми, которые ни по духу, ни по жизни не имели с ним ничего общего.

Весьма интересным является факт возрождения самодеятельности мирян в Русской Православной и Католической Церквях в самое последнее время.

В первой из них с 1961 года вся хозяйственная деятельность в приходах передана церковным советам, органам, целиком состоящим из мирян, которые руководят хозяйственно-финансовой стороной жизни прихода, отчитываясь перед учредителями, составляющими ядро общины, и перед избираемой из числа учредителей общины ревизионной комиссией. Введение этого порядка, окончательно утвержденного Поместным Собором 1971 года, весьма оживило самодеятельность мирян Русской Церкви и повысило у них чувство ответственности за церковную жизнь.

Что касается Католической Церкви, то среди происходящих в ней теперь глубинных процессов немаловажное место занимает всестороннее привлечение мирян к участию в церковной жизни, принимающее весьма разнообразные формы, начиная от «апостолата мирян» и кончая такими претендующими на специфическую харизматичность явлениями, как, например, «движение Иисуса» в США. Хотя в Римско-Католической Церкви понимание необходимости широкого участия мирян в церковной жизни всегда жило, однако поворотным пунктом следует признать II Ватиканский Собор, когда многое в этом отношении, что ранее не выходило за рамки благочестивых пожеланий, получило не только возможность реализации, но и прямую поддержку со стороны церковного руководства.

В догматической конституции о Церкви впервые четко определяются духовные задачи мирян, которые «призваны Богом, чтобы, наподобие закваски, должным образом освящаясь воздействовать на мир, занимаясь каждый своим делом, подчиняя при этом свои занятия духу Евангелия».

⁹ Впрочем, 1 Кор. 11, 5 позволяет полагать, что в руководимых апостолом Павлом Церквях некоторые женщины не только занимались хозяйством общины и домашним, но и, обладая некоторыми из особых харизматических дарований (1 Кор. 12 гл.), имели возможность и право их проявлять.

«Они призваны также возвещать Христа другим прежде всего свидетельством собственной жизни, излучая веру, надежду и любовь»¹⁰.

Там же утверждается принцип духовного равенства перед Богом всех членов Церкви, неразрывно сопряженной со всеобщим священством: «Хотя, по воле Христовой, некоторые для блага других поставлены учителями, преподавателями таинств и пастырями, тем не менее, между всеми верными существует истинное равенство во всем, что касается их ценности и общей активности... Таким образом, в самом разнообразии все свидетельствует об изумительном единстве, господствующем в Теле Христовом; в самом деле, само различие дарований, служений и деятельности содействует слиянию чад Божиих в одно целое. Ибо «всё сие производит один и тот же Дух» (1 Кор. 12, 11)¹¹.

Кроме этого апостолат, распространяющегося на всех христиан без исключения, миряне могут еще быть призваны к более непосредственному сотрудничеству с иерархическим апостолатом, аналогично тем мужчинам и женщинам, которые, будучи помощниками апостола Павла в благовестии, несли великие труды (срав. Флп. 4, 3; Рим. 16, 3)¹².

Громадное значение, какое придает активному участию мирян в церковной жизни Католическая Церковь вообще и II Ватиканский Собор в частности, подчеркивается принятием Собором особого документа, посвященного апостолату мирян¹³.

Изложенное позволяет считать установленным, что всеобщее священство не только составляет органическую, неотъемлемую и общепризнанную часть понятия о Церкви вообще, не только основано на однозначных свидетельствах Священного Писания, но и является живой реальностью, экзистенциально необходимым и исключительно важным элементом, без которого Церковь не может быть тем, что она есть, то есть Телом Христовым.

Более того. Можно с уверенностью сказать, что и иерархическое священство, нередко ошибочно противопоставляемое всеобщему, не могло бы без него существовать и превратилось бы из служения в господство (срав. Мф. 20, 25—28), из любящего соработничества (1 Кор. 3, 9; 4, 1) в себялюбивое командование. В самом деле, как нельзя себе представить земную жизнь Иисуса Христа без любимых Им учеников, апостолов без активно содействующих им членов основанных ими Церквей, в первую очередь помощников, именами которых пестрят последние главы некоторых посланий апостола Павла (Рим. 16 гл.; 1 Кор. 16, 15—19; Флп. 4, 2—3, 18), так невозможно мыслить епископов и священников без окружающих их и активно сотрудничающих в Церкви церковнослужителей, певцов и пр., а прежде всего без более или менее многочисленного коллектива прихожан, готовых всегда участвовать в церковном деле и своей молитвой, и своим материальным содействием.

Равенство всех членов Церкви перед Господом, общая для всех перспектива предстать перед праведным судом Божиим (Рим. 1, 5—6; 2 Кор. 5, 10), одинаковые для всех возможности спасения являются той почвой, на которой только и может существовать Церковь как единый организм, скрепляемый любовью его членов к Богу и друг к другу. На этой почве только и возможно существование и деятельность иерархического священства, т. е. мирян — членов Церкви, призванных и возведенных через рукоположение в особый духовный и общественный статус, именуемый духовным саном.

¹⁰ Dogmaticкая конституция "Lumen gentium", 31. Все цитаты документов II Ватиканского Собора приводятся по "Concile Oecumenique Vatican II, Constitutions, décrets, déclarations, messages", ed. du Centurion. Paris, 1967 (перевод автора).

¹¹ Там же, 32.

¹² Там же, 33.

¹³ Декрет "Apostolicam auctoritatem".

Как пишет один из наших православных богословов, «жреческая привилегия — беспрепятственно предстоять пред Богом — в определенной мере стала достоянием всех христиан»¹⁴. Действительно ли для руководства церковной жизнью, для проповеди слова Божия и, что для нас сейчас представляется самым главным, для совершения священнодействий, в частности Евхаристии, необходимо священство иное, иерархическое? И если это так, то обуславливается ли необходимость такого священства чисто прагматически или же оно является Божественным установлением и онтологически сопряжено с самой сущностью Церкви как орудия спасения человечества?

Здесь мы вплотную подошли к аспекту богоустановленности наших таинств.

Установление Евхаристии Самим Иисусом Христом не вызывает сомнений. Тайная Вечеря, достаточно подробно описанная всеми синоптиками, произнесенные при этом Христом установительные слова в соединении с заповедью ученикам о частом повторении великого таинства (Лк. 22, 19; 1 Кор. 11, 25) говорят об этом с полной ясностью.

Что касается иерархического священства, то вопрос оказывается много более сложным.

Нередко христианское иерархическое священство ставится в прямую связь с ветхозаветным священством и считается как бы его продолжением. Такая концепция представляется необоснованной. Аароново священство являлось органической частью Моисеева законодательства, и нет оснований считать касающиеся его установления (Исх. 28, 1—3) принадлежащими к вечной, утвержденной и авторизованной Христом (Мф. 5, 17; 22, 35—40) нравственной основе закона Моисеева. Ведь большая часть «законных» установлений дана была «по жестокосердию» израильского народа (Мф. 19, 8); закон в целом был только детоводителем ко Христу (Гал. 3, 24), и его сакраментальное значение с пришествием Христа и с совершением Им дела спасения отпало, а адепты закона и носители установленных законом иерархических степеней вступили в открытый конфликт с Христом и Его последователями. Именно они — первосвященники и старейшины — осудили Христа на смерть и вытребовали у Пилата исполнения этого приговора (Мк. 15, 1; Мф. 27, 1); именно они воздвигли гонение на учеников Христовых сразу после начала их проповеди (Деян. 4, 5—6). С другой стороны, трудно себе представить апостолов — таких, какими они стали после сошествия Святого Духа, — приносящими ветхозаветные жертвы, когда даже обрезание они объявили необязательным (Деян. 15, 19—20)¹⁵. Кроме того, прекращение сакраментальной обязательной ветхозаветной левитской иерархии, когда Бог воздвиг нам во Христе Иисусе «Пастыря овец великого Кровию завета вечного» (Евр. 13, 20), подробно и авторитетно раскрывается в Послании к Евреям, являясь одной из его основных тем.

Таким образом, взгляд на новозаветное иерархическое священство как на прямого преемника и продолжателя ветхозаветного явно противоречит духу и букве Священного Писания. Вот в Новом Завете мы находим много высказываний, позволяющих утверждать, что и Сам Христос и Его богодухновенные ученики считали необходимым существова-

¹⁴ Е. А. Карманов. Священство; прообразы и действительность. «ЖМП», 1962, № 4, с. 58.

¹⁵ Нам известен единственный случай соблюдения апостолом законнических ритуалов и обрядов, когда апостол Павел участвовал «в очищении» по обету и по этому случаю направился в Иерусалимский храм (Деян. 21, 17—26). Однако, как объясняет евангелист Лука, все это было совершено Павлом по совету братьев — христиан из иудеев, во избежание обострения отношений с иерусалимскими иудеями, среди которых его личность и без того была одиозна. Для самого же Павла, как известно, обрядовая сторона не представлялась чем-то вредным или противопоказанным, а скорее безразличным и потому необязательным (Гал. 5, 6).

ние в Церкви наряду со всеобщим священством также священства иерархического, т. е. членов Церкви, жизнь которых посвящена делу церковного служения, руководства, наставления.

При этом приходится различать общеизвестные три иерархические функции.

Наиболее ясно слово Божие говорит о выделении особых лиц для выполнения учительной функции. Завет: «Идите, научите все народы» (Мф. 28, 19; срав. Мк. 16, 15) — можно, конечно, в широком смысле относить и к апостолату мирян, но, несомненно, не все могут быть учителями и наставниками (1 Кор. 12, 29—30), а взаимодействие учителя с учеником само по себе сопряжено с неравенством положения, ибо «ученик не более учителя» (Мф. 10, 24), и, следовательно, неизбежно вводит в жизнь иерархический принцип.

Свою наставническо-миссионерскую задачу апостолы стали выполнять сразу же после события Пятидесятницы. Об этом свидетельствуют речи апостола Петра, обращенные к большим народным массам; об этом же говорят и описанные в Деяниях святых апостолов случаи индивидуального возвещения Христовой истины (Филипп, разъясняющий Священное Писание эфиопскому внуку, — Деян. 8, 27—40; апостол Павел, проповедующий Христа тюремщику, — Деян. 16, 25—34).

Перед своими ставленниками апостол Павел ставит совершенно четкие наставнические по отношению к уже крещеным членам общины задачи, которые им следовало выполнять наряду с обращенной вовне миссионерской деятельностью (1 Кор. 4, 17; Еф. 6, 21—22; 1 Тим. 3, 1—13; Тит. 2, 1—10). Вся история Церкви свидетельствует о невозможности обойтись без особо выделенных лиц, на которых тем или иным образом возлагается высокое право и святая обязанность учить других членов общины истинам веры, нормам христианской нравственности, а самое главное — постоянно будить в них радостное сознание данных им во Христе освобожденности от уз мира и принадлежности к Богу (Рим. 6, 16—23; 1 Кор. 7, 23). Пастырство в этом смысле имеет общехристианский характер и не вызывает разногласий.

Несколько иначе обстоит дело с функцией управления. Опять-таки она твердо обоснована Священным Писанием. Высокие полномочия пользоваться «ключами Царства Небесного» и посредством их «связывать и разрешать», данные Христом сначала апостолу Петру (Мф. 16, 19), а потом и другим апостолам (Мф. 18, 18), особые поручения апостолу Петру — «утвердить братьев» (Лк. 22, 32) и «пасти агнцев и овец» Христовых (Ин. 21, 15—17) — легли в основу твердого руководства, осуществлявшегося апостолами и их учениками и преемниками в первоначальной Церкви. Эта власть дана ученикам Христовым навечно, с переходом даже в жизнь будущего века (Мф. 19, 28).

Здесь мы видим и многочисленные увещания от самых мягких (Деян. 15, 7—11) до весьма резких (Гал. 3, 1—3), видим и пример экскоммуникации (1 Кор. 5, 1—5) с последующим воссоединением отлученного с Церковью (2 Кор. 2, 5—11), видим, наконец, и немедленное страшное наказание Божие, являющееся следствием совершённого греха и апостольского обличения (Деян. 5, 1—11).

Пастырские послания свидетельствуют об утверждении епископской власти уже в апостольскую эпоху, причем само значение слова *ἐπίσκοπος* (надзиратель, надсмотрщик) указывает на присущие епископу административные права и обязанности. Об этих же обязанностях особенно ясно говорится в первом Послании к Тимофею, где в числе свойств, приличествующих епископу, упоминается и умение управлять своим домом, «ибо, кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли пещись о Церкви Божией?» (1 Тим. 3, 5).

Второй иерархической степени — пресвитеру, несомненно, свойственно было право не только учить и наставлять, но и управлять в качестве

помощника епископа и под его руководством. Не говоря уже о многократных упоминаниях этой степени священства в Деяниях святых апостолов (11, 30; 14, 23; 15, 4, 6; 16, 4; 20, 17), а также в некоторых апостольских посланиях (Иак. 5, 14; 1 Тим. 5, 17, 19; Тит. 1, 5), можно сослаться на святого Иоанна Златоуста, который указывает на неточность разграничения иерархических степеней в первоначальной Церкви: «пресвитеры назывались епископами и диаконами Христовыми и епископы пресвитерами... а впоследствии каждому присвоено особое имя»¹⁶.

Святой Игнатий Антиохийский († 107 г.) призывает соблюдать церковную дисциплину и «не противиться епископу, чтобы нам быть покорными Богу...»¹⁷, чтобы, повинувшись епископу и пресвитеру, вы были освящены во всем»¹⁸. Что же касается соподчинения иерархических степеней, то, по святому Игнатию, «пресвитерство так согласно с епископом, как струны в цитре»¹⁹. И, наконец, в другом послании он призывает: «Ничего не делайте без епископа и пресвитеров»²⁰.

Хотя принцип сосредоточения в руках епископа определенной власти нередко являлся поводом к проявлению человеческих, часто греховных, тенденций и страстей: властолюбия, высокомерия, зависти и т. п., однако необходимость в твердом руководстве церковной жизнью была и остается столь велика, что епископское управление не только окончательно утвердилось в неразделенной Церкви, но и сохранилось повсеместно после разделения Церкви на Восточную и Западную в XI веке. Более того, даже большинство реформатских Церквей, выйдя из-под власти римского первосвященника и отбросив таинство Священства, все же сохраняют епископское (или пресвитерское) управление, причем значение и авторитет епископа во многих случаях и тут стоит не менее высоко, чем в Кафолических Церквях.

Теперь наступает очередь обратить внимание на сакраментальную сторону священства, в ее непосредственной связи с совершенствованием таинства Евхаристии. Мы уже говорили о сущности священства как обладания особой благодатью, делающей христианина способным к преподаванию от Бога спасающей благодати другим людям. Уточняя это определение, следует упомянуть о рукоположении как о восходящем к апостольским временам внешнем знаке поставления в сан, который в соединении с молитвой епископа и всей Церкви составляет саму *res sacram* Таинства (Деян. 6, 6; 8, 17; 13, 3; 1 Тим. 4, 14; 5, 22; 2 Тим. 1, 6; Евр. 6, 2).

Как известно, обе Церкви — Православная и Католическая, равно как и Англиканская, придают особое значение преемственности рукоположения, возводя ее к первичным рукоположениям, совершённым самими апостолами.

Даже во многих протестантских Церквях сохраняется убежденность в том, что в момент совершаемого над ним рукоположения (которое опять-таки является почти общехристианской традицией) христианин получает не только право совершать таинства, в частности и прежде всего Евхаристию, но и содействие Святого Духа, укрепляющего его к предстоящей ему пастырской деятельности, в том числе и к совершению Евхаристии. Однако, по православному учению, в рукоположении сообщается не только содействие к совершению Таинства, но и **способность** его совершать. Евхаристия, совершённая христианином, не имеющим легитимного (т. е. обеспеченного апостольским преемством) рукоположения, не действительна.

С протестантских позиций, сущность ординации не столь экзистен-

¹⁶ Св. Иоанн Златоуст. Творения, т. XI. СПб., 1905, с. 225.

¹⁷ Св. Игнатий Богоносец. Послание к Ефесянам, V.

¹⁸ Там же, II.

¹⁹ Там же, IV.

²⁰ Его же Послание к Магнезийцам, VII.

циальна. И в реформатских Церквах рукоположение дает право совершать Таинство, но в исключительных случаях к совершению Таинства допускаются и миряне и считается, что сущность Таинства от этого не страдает. Апостольская преемственность, хотя и рассматривается сейчас в экуменических сферах многими протестантами как весьма существенный и полезный элемент церковной структуры²¹, однако не имеет для них значения *conditio sine qua pop.*

Есть еще один аспект рукоположения, являющийся предметом разногласий. В ряде неепiscopalных Церквей существует пресвитерианское рукоположение, которое с точки зрения епископальных Церквей считается недействительным. Последнее можно утверждать с категоричностью только относительно Церквей, сохраняющих непрерывность епископского рукоположения; епископальные реформатские Церкви смотрят на пресвитерианское рукоположение с большой долей снисхождения и даже признания²² именно потому, что для них рукоположение есть в первую очередь инвестиция, т. е. введение в определенные права, а не облагодатствование, сообщающее сакраментальную дееспособность.

Возвратимся, однако, к проблеме богоустановленности. Если богоустановленность священства в его учительной и управительной функциях может быть, как мы видели, обоснована многочисленными ссылками на Священное Писание, то в отношении его сакраментальной сущности и ее проявлений можно было бы сказать (как это и утверждается в некоторых экуменических документах)²³, что Новый Завет о ней молчит, если бы не событие Пятидесятницы. Схождение Святого Духа на апостолов нельзя рассматривать иначе, как оснащение их особыми благодатными способностями, причем для нас имеет значение факт, что эту великую харизму получили не все уверовавшие²⁴.

Хотя ни в Деяниях, ни в посланиях апостольских действительно нет прямых указаний, кто именно совершал в первоначальной Церкви хлебопреломление, или Евхаристию (срав. Деян. 2, 42, 46; 20, 7, 11; 1 Кор. 10, 15—17; 11, 20—29), однако естественнее всего предположить, что это был или один из апостолов, или кто-то из поставленных (рукоположенных) апостолами членов данной общины. Имея в виду указания Писания, что харизму Пятидесятницы получили только апостолы (Деян. 1, 26—2, 4) и что упоминания об Евхаристии (исключая ее установление на Тайной Вечери) появляются лишь после повествования о сошествии Святого Духа, можно заключить, что для ее совершения потребно было особое харизматическое дарование, полученное апостолами именно в этом сошествии.

Если принять эту точку зрения на первичную связь Евхаристии со священством, то становится понятной **недопустимость** совершения Евхаристии вне рамок преемственного рукоположения. Однако — **недопустимость** или **недействительность**?

²¹ Так, консультация «Веры и церковного устройства» (1972 г.) в Марселе рассматривает преемственность как часть и признак непрерывности апостольского свидетельства и служения и как средство сохранения и поддержания этой непрерывности (см.: *Teilconsens über das kirchliche Amt (im Herder-Korrespondenz, 1973, H. 1); Niles Ehrenström und Günter Gassmann. Confessions in Dialogue. Geneva, 1972; Günter Gassmann. Die Entwicklung der ökumenischen Diskussion über das Amt (in Ökumenische Rundschau, 1973, H. 4).*

²² См.: *Dr. E. Schlink. "Reform und Anerkennung kirchlicher Ämter", S. 154, C; Die Apostolische Sukzession (Am den Ökumenischen Institut des Universität, Heidelberg).*

²³ См.: *Löwen, 1971, Beiheft zur Ökumenischen Rundschau 18/19, Stuttgart, 1971, S. 96 ff.*

²⁴ Их численность за время общественного служения Иисуса Христа во много раз превышала число апостолов: достаточно вспомнить хотя бы о семидесяти учениках (Лк. 10, 1, 17) и о многих сотнях, а может быть, и тысячах слушателей Его проповеди, в среде которых она, конечно, не могла не иметь определенного полезного действия (Мф. 13, 1—9, 18—23).

Попытка ответа на этот кардинальный вопрос требует хотя бы беглого изложения прагматической концепции, которая, по существу, составляет основу отрицания или игнорирования определяющего значения харизматической сущности священства. В кратком изложении эта концепция, разделяемая на Западе весьма многими, сводится к следующему.

В первохристианской общине доктринальное и административное руководство осуществлялось апостолами и их ставленниками и базировалось на авторитете апостолов, как непосредственных свидетелей земной жизни Иисуса Христа, получивших свои полномочия непосредственно от Своего Учителя. Наряду с этим руководством, носившим в себе зачатки иерархии, хотя и в самой примитивной форме, имела место общинная демократия, выражавшаяся в широкой практике проявления харизматических дарований, в активном, можно сказать, «соборном» участии всех членов общины в богослужебной и хозяйственно-благотворительной жизнедеятельности.

Иерархическое руководство и принцип соборной демократии легко сочетались одно с другим, пока общины были сравнительно малочисленны и существовали практически независимо и разобщенно одна от другой. Их общность выражалась тогда лишь в молитве членов общины о христианах в соседних общинах, а также в признании авторитета одного и того же апостола, их основателя. Нередко, однако, имели место разногласия и раздоры, если в общине последовательно или одновременно трудились разные духовные руководители (1 Кор. 1, 10—16; Гал. 2, 6—14; 2 Петр. 3, 16). Апостолы и другие лица, занимавшиеся по преимуществу миссионерской деятельностью, сопровождавшейся образованием новых общин, всё в меньшей степени могли уделять внимание, силы и время, необходимые для руководства текущей церковной жизнью своих общин, и, выходя из той или иной общины, оставляли в ней руководителя, назначаемого ими в большинстве случаев из числа членов данной общины. Этого руководителя называли по-разному: «блюстителем», или «надзирателем» (т. е. епископом), либо «старейшиной» (т. е. пресвитером), чем и объясняется отмеченное святым Иоанном Златоустом²⁵ смешение этих наименований, не имевших еще в то время сколько-нибудь четкого иерархического разграничения. Внешним знаком такого поставления, или назначения (ординации), в должность являлось рукоположение коллективное (Деян. 6, 6; 13, 3; 1 Тим. 4, 14) или индивидуальное (Деян. 8, 19; 9, 12; 19, 6; 1 Тим. 5, 22).

Очень скоро в Церкви, в разных общинах, появились узурпаторы апостольского авторитета, учение которых нередко не только отклонялось от живого апостольского предания, но и вырождалось в прямое лжеучение, или ересь (2 Петр. 3, 16—17; Гал. 2, 4—5; 5, 10—12; Флп. 3, 18—19; 1 Тим. 1, 19—20; 6, 3—5; 2 Тим. 3, 13; 4, 3; Откр. 2, 6, 15; 3, 9). Отмеченный выше демократизм общинной жизни создавал для этого благоприятную почву. Именно это обстоятельство побудило апостолов, их учеников и ставленников, а также и верных им рядовых христиан, говоря современным языком, — мирян придавать особое, притом всевозрастающее значение преемственности рукоположения: доказанная, засвидетельствованная, не подлежащая сомнению апостольская преемственность служила признаком и залогом сохранения тем или иным руководителем — епископом, пресвитером или действующим под их руководством диаконом или диакониссой — «здорового учения» (2 Тим. 1, 13), т. е. пребывания «в том, чему научен, что... вверено, зная кем... научен» (2 Тим. 3, 14), иначе говоря, истинного апостольского предания и легитимно-церковного, восходящего к апостольскому авторитету подчинения.

С течением времени, с укреплением внешнего и внутреннего положения Церкви (ослабление, а с начала IV века и полное прекращение го-

²⁵ См. приведенную выше цитату.

нений, все большее распространение христианства) многочисленные общины стали нуждаться в более четком и жестком руководстве, что вместе со скоплением в руках руководителей общин значительных материальных средств привело к существенному увеличению влияния и власти епископов, централизации церковного управления, т. е. к объединению под руководством епископа значительного числа территориально смежных общин, и, естественно, к четкому функциональному разграничению иерархических степеней.

Этот процесс сопровождался постепенным отмиранием основанной на принципе всеобщего священства духовной и хозяйственной самостоятельности рядовых членов общины. Пополнение общины новообращенными, многие из которых принимали крещение отнюдь не по идейным побуждениям, а часто из соображений личной выгоды, моды, родственных связей и т. п., привело к тому снижению уровня духовной жизни, о котором так горько сетовали великие отцы IV и V веков. В этих условиях быстро сошли на нет харизматические дарования (пророчество, вещания на «незнакомых языках» и др.), характерные для первохристианской общины. Кроме того, епископы и пресвитеры не могли иначе, как весьма сдержанно, если не сказать — отрицательно, смотреть на подобные проявления духовной самостоятельности и самостоятельности в общинах, пестрых по идейному и нравственному характеру своих членов, тем более, что проявление этих харизм всегда было связано с претензиями на авторитет их носителей и тем самым отнюдь не способствовало укреплению иерархического авторитета. Настороженность к свободному проявлению харизматических дарований в ее зачаточном состоянии можно отчетливо усмотреть уже в 14-й главе первого Послания апостола Павла к Коринфянам. Централизация церковной жизни проходила не без трений и даже борьбы; примером могут служить хронические нестроения и раздоры в Коринфской общине, начавшиеся еще при жизни апостола Павла (1 Кор. 1, 3; 6) и продолжавшиеся и после его кончины²⁶.

Резюмируя изложенный взгляд на возникновение иерархического священства, мы видим, что его сторонники, исходя из явлений, действительно имевших место в древней Церкви, впадают в заблуждение, приписывая превалирующее значение чисто человеческим социально-историческим и даже экономическим факторам. Иерархия возникает, формируется и развивается якобы прежде всего потому, что она была необходима для целесообразной, упорядоченной организации и нормального протекания общинной жизни.

Иерархическая преемственность утвердилась как наилучшая гарантия церковного вероучительного и дисциплинарного единства: «Апостолы наши, — писал один из самых ранних римских епископов — святой Климент, — знали чрез Господа нашего Иисуса Христа, что будет раздор об епископском достоинстве. По этой самой причине они получили совершенное предведение, поставили вышеозначенных служителей (речь шла ранее о епископах и диаконах. — А. М.) и потом присовокупили распоряжение (ἐπινομή), чтобы, когда они почивют, другие испытанные мужи принимали на себя их служение»²⁷.

На само рукоположение те, кто придерживаются изложенной концепции, которую мы назвали прагматической, смотрят не столько как на харизматическое тайнодействие, сколько как на установившийся внешний,

²⁶ Св. Климент Римский писал Коринфянам: «Итак праведное и святое дело, братья, более повиноваться Богу, нежели следовать тем, которые в надменности и кичливости стали предводителями презренной зависти. Ибо не малому вреду, а, напротив, великой опасности подвергаемся, если опрометчиво отдадим себя на волю людей, которые подстрекают нас к раздору и мятежам» (1-е Послание к Коринфянам, 14). «Люди бесчестные восстали против почтенных, бесславные — против славных, глупые — против разумных, молодые — против старших» (там же, 3).

²⁷ Св. Климент Римский. Там же, 44.

хотя и символический, акт, в котором превалирующее значение отводится инвестиции, или ординации, т. е. присвоению определенных прав и введению в определенные должностные обязанности.

Не приходится удивляться ответу изложенной теории и на основной интересующий нас вопрос, почему совершение священнодействий, в первую очередь и преимущественно таинства Евхаристии, стало прерогативой иерархии: сначала это право предоставлялось старшим — апостолам, епископам, пресвитерам, т. е. основателям и предстоятелям общин, — с общего согласия²⁸, а потом поставленные апостолами и их преемниками, в целях поддержания и укрепления собственного авторитета, стали запрещать совершение Евхаристии кем-либо, кроме получивших каноническое посвящение епископов и пресвитеров. Конечно, если стать на такую неправославную, односторонне-предвзятую точку зрения, то запрет мирянам совершать Евхаристию может представиться чисто человеческим установлением.

Мы назвали изложенную теорию происхождения и становления иерархического священства прагматической, ибо в ней все аспекты священства рассматриваются и оцениваются, главным образом, с позиций времени и места. Не было бы смысла, может быть, останавливаться на этой теории столь долго, если бы она не являлась часто замаскированной подоплекой отношения к священству со стороны большинства протестантских богословов прошедших веков и настоящего времени. Более того, этот исторически-прагматический подход более или менее отчетливо сквозит во многих современных экуменических документах, по своему стилю и — во многом — по содержанию отражающих образ мышления большинства экуменических учреждений, в которых широко представлены разнообразные конфессии и деноминации, стоящие на почве Реформации²⁹.

Нельзя отрицать, что сами реформаторы XVI столетия мыслили, оперируя более католическими категориями и были далеки от суждения о священстве как о чисто человеческом учреждении³⁰, однако модернистское протестантское богословие с его стремлением приспособиться к психологии так называемого «зрелого общества» (*mündige Gesellschaft*), с его теориями — демифологизации Священного Писания, «мертвого Бога» и др. не только далеко отошло от ортодоксального лютеранства и даже кальвинизма, но и утратило всякую реальную христианскую основу. В большей или меньшей мере его секуляризирующее влияние сказывается на мышлении и на стиле высказываний и более здравомыслящих реформатских богословов и церковных деятелей, часто помимо воли их, может быть, даже подсознательно.

Как следует оценить прагматическую версию с христианских позиций?

Основной ее недостаток — игнорирование Божественного промыслительного начала и благодатного воздействия в истории Церкви вообще и в возникновении и развитии иерархического священства, в частности.

Так, хотя действительно названия пресвитера и епископа Церкви I века нередко применялись к предстоятелям общин наравне друг с дру-

²⁸ «Избирайте себе епископов и диаконов, достойных Господа, благодушных мужей, свободных от стяжательства, правдивых и испытанных, ибо и они для вас совершают богослужение пророков и учителей. Поэтому вы должны не смотреть на них свысока; им следует воздавать честь с пророками и учителями» (Дидахи, 15, 1 и след.).

²⁹ См., например, *The ordained ministry in ocumenical perspective (Study Report to the Taith a. Order Comissions Jan. 1974)*; *J. Feiner und L. Fischer. Neues Glaubensbuch, 4. Auflage, Herder-Verlag, Freiburg—Basel—Wien, 1973, S. 349—360, 582 f.*, срав. также S. 620—630.

³⁰ Так, в Аугсбургском исповедании говорится: «Для возбуждения этой веры учредил Бог служение (*ministerium, Amt*) проповеди Евангелия и преподавания таинств. Ибо

гом³¹, однако степени епископа (пресвитера) и диакона и их функциональное назначение разграничиваются в Священном Писании очень четко (Деян. 6, 1—6; 1 Тим. 3, 1—13), а, самое главное, Священное Писание однозначно говорит о выделении особого священства из массового, всеобщего священства, притом так, что они не противопоставляются, а гармонируют одно с другим. Достаточно привести повеления Иисуса Христа Его ученикам, касающиеся их будущей миссионерской и пастырской деятельности: весь мир и, следовательно, миряне — жатва, апостолы — делатели, а Господь — Господин жатвы (Мф. 9, 37—38); апостолы — учителя и крестители, призванные учить и крестить все народы (Мф. 28, 19—20); проповедники Евангелия снабжаются особыми дарованиями и разного рода указаниями, касающимися предстоящей им деятельности (Мф., 10 гл.).

Апостол Петр получает повеление «укрепить братьев» (Лк. 22, 32) и «пасти овец Христовых» (Ин. 21, 15—17). Таким образом, исторические условия, способствовавшие упрочению иерархической структуры, оказываются приводящими обстоятельствами, через которые осуществляется Промысл Божий.

Рукоположение, по свидетельству Нового Завета, есть внешний знак, но отнюдь не только назначения и определения в должность, а таинственного низведения благодати Святого Духа (Деян. 8, 17; 9, 17—18; 2 Тим. 1, 6—7).

Что касается таинства Евхаристии, то сама естественность и логичность совершения его «старшими» (т. е. епископами и пресвитерами) делали излишними специальные указания на сей счет в письменных, а может быть, и в устных обращениях апостолов к основанным ими общинам.

Богоустановленность иерархии и присущая ей особая благодатная способность совершать таинства является общим убеждением не только святых Климента и Игнатия, на которых мы ссылались выше, но и более поздних отцов. Так, святой Григорий Богослов писал в IV веке: «Где и кем совершалось бы у нас таинственное и горé возводящее богослужение... если бы не было священства?»³².

Младший современник Григория Богослова — святой Иоанн Златоуст убежден, что способность совершать Евхаристию дарована священникам Самим Богом. «Великое это Таинство, — писал он, — совершают люди, но люди, поставленные распоряжаться небесным; они получили власть, которой не дал Бог ни ангелам, ни архангелам...»³³. «Один только священник имеет право предлагать чашу Крови»³⁴.

Сопоставляя прагматический подход к таинству Священства с нашими на него возражениями, можно прийти к заключению, что в нем есть

через слово и таинства, как бы посредством некоторых орудий, сообщается Святой Дух, возбуждающий веру — когда и где Он желает — в тех, кто внимает Евангелию (Аугсбургское исповедание, V. О церковном служении. — Перевод автора).

Лутер писал: «Внешние действия должны предшествовать... так как Он установил это, чтобы никто не воспринимал внутреннего без внешнего» (WA XVIII, 136. — Перевод автора). В Апологии исповедания читаем: «Если таинством Священства хотят называть таинство служения слова и Евангелия, не было бы затруднения называть посвящение таинством, ибо служение слова установлено Богом... Если так понимать таинство Священства, то можно было бы именовать таинством и рукоположение, ибо Церковь имеет повеление Божие поставлять проповедников и диаконов» (Апология, XIII, О таинствах и их правильном отправлении. — Перевод автора).

³¹ Кроме приведенного выше свидетельства св. Иоанна Златоуста, сошлемся также на «Послание к Евагрию» блаж. Иеронима (*Минь*. Патрология, лат. сер., XXII, кол. 1193 и сл.). При этом Иероним приводит то место из Послания к Титу, где апостол Павел одних и тех же лиц называет сначала пресвитерами, а затем епископами (Тит. 1, 5—7).

³² Св. Григорий Богослов. Творения, ч. 1. М., 1889, с. 14.

³³ Св. Иоанн Златоуст. Творения, т. I. СПб., 1895, с. 417—418.

³⁴ Там же, т. VII. СПб., 1905, с. 479.

ценный элемент: реалистический учет и обобщение исторических событий и внешних факторов, влиявших на развитие церковной жизни, но богословскую ценность и значимость прагматические выводы приобретают тогда, когда в основу их кладется основной фактор — высший прагматизм Божественного Промысла, ведущий Церковь к конечной цели — к эсхатологической реализации *explicite* спасения человечества, совершённого *implicite* Господом и Спасителем Иисусом Христом. В этой эсхатологической перспективе прозревается конечное прекращение свершившего свою земную миссию иерархического и вступление в полную силу всеобщего священства, когда «будет Бог всё во всем» (1 Кор. 15, 28).

Дух Святой действовал в Церкви не только в апостольские времена; Он действует в ней и поныне, в ее прошлом, настоящем и будущем, осуществляя непреложное обетование Сына Божия: «Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек... Когда придет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину» (Ин. 14, 16; 16, 13).
